

ВАЖНЫЕ
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ФЕХТОВАЛЬЩИКУ В
ФЕХТОВАНИИ

ТРАКТАТ НАПИСАН
ЛУИСОМ МЕНДЕСОМ ДЕ КАРМОНА,
ВТОРЫМ УЧЕНИКОМ
ИЕРОНИМО ДЕ КАРРАНЗЫ

МАДРИД 1899 Г

Луис Мендес де Кармона

Важные предупреждения фехтовальщику в фехтовании

Мадрид, 1899 г.
перевод: Берман Валерия

Днепр
«Середняк Т.К.»
2020

Луис Мендес де Кармона

Важные предупреждения фехтовальщику в фехтовании —
Днепр: Середняк Т. К., 2018, — 35 с.

ISBN 978-617-7822-30-0

Трактат, выпущенный тиражом всего в 50 экземпляров в 1899 г. в Мадриде (Испания), вторым учеником отца испанской нации Иеронимо де Карранзы – андалузским мастером, наименее известным и изученным, который был единственным, кто противоречил и опровергал учения дона Луиса Пачеко де Нарваэса – Луисом Мендесом де Кармона – повествует о важных предупреждениях для фехтовальщика, в котором «будут найдены вещи великой пользы для защиты человека и сохранения его жизни».

Как пишет автор, в этом кратком руководстве по защите в доктрине и дестрезе командора Иеронимо де Карранзы фехтовальщик найдет документы и важные предупреждения для понимания и практики работы с оружием.

© Луис Мендес де Кармона 2020

© Берман Валерия 2020

Важные предупреждения фехтовальщику
(тираж в 50 экземпляров)

ПРИМЕЧАНИЕ

Луис Мендес де Кармона, родившийся в знатном городе Эсиха, является одним из мастеров, которые писали о фехтовании в первой половине XVII века, наименее известный и изученный как из-за необычайной редкости печатной книги, известной о нем, которая сегодня хранится в Национальной библиотеке, так и из-за нехватки копий работ, которые он оставил неопубликованными. Мы не знаем никаких биографических сведений о нем. У этого писателя была та же участь, что и у большинства известных людей его времени, которые не оставили нам ни единой информации о своей жизни и делах. Согласно классической фразе летописца: «древние испанцы совершали много поступков, и их было видно, но мало, чтобы записать их». К сожалению, сегодня все наоборот. Тот факт, что несколько библиофилов, которые собирают произведения фехтования, знают некоторые работы этого андалузского мастера, который был единственным, кто противоречил и опровергал учения дон Луиса Пачеко де Нарваэса, - было единственной причиной, которая заставила нас напечатать его Предупреждения. Все мои исследования были бесполезны, чтобы узнать о местонахождении другой работы этого автора, озаглавленной как «Книга истинной ловкости оружия», подписанной МК, с выгравированной обложкой, гербом и 240 страницами, книгой, которой обладал мистер Э. Бомонт. Несомненно, этот документ должен быть лучшим и самым фундаментальным произведением Мендеса де Кармоны. Я еще не потерял надежду узнать местонахождение рукописи. Если бы я преуспел, и моя вера была бы правдой, потребовалось бы не много времени, прежде чем оригинал, так долго не выпускавшийся, удостоился бы быть опубликованным. В цитируемой рукописи есть подпись и инициалы Мендеса де Кармоны и его портрет. Книга, цитируемая и описанная на странице 11 «Резюме о защите согласно Карранзы», является опровержением работы «Величие меча» 1600 г., резюме «Фи-

лософии оружия», 1612, Письмо к герцогу Сеа, 1618 г., и «Экзаменация мастеров», 1625 г., все работы Пачеко де Нарваэса, напечатанные в Мадриде в это время. Мы дадим представление о том, что такое резюме Мендеса де Кармоны в печати, чтобы показать, что это отличная работа от той, которую мы сейчас публикуем. Оно начинается с краткого послания к маркизу Аямонте, за которым следует предисловие автора к читателю. Это послание и предисловие точно такие же, как и те, которые он поместил в эту книгу, и которые составляют первые восемь страниц тома, который сейчас публикуется. Почему Кармона вложил в обе книги одинаковые введения, мы не знаем; очень трудно выяснить настоящую причину. За введением следуют шесть глав. В первой он сравнивает доктрину Карранзы с доктриной Пачеко. Во второй он рассматривает работы обоих и говорит: «И я спрашиваю: то, о чем говорится в вашей книге «Величие меча» это ваше учение или Карранзы?», и он опровергает тексты Пачеко, бросая вызов подобным текстам Карранзы. В третьей он утверждает, что «Карранза был истинным автором этой науки, философии оружия». С четвертой по шестую главу он подвергает Пачеко суровой цензуре и рассматривает письмо к герцогу Сеа, показывая, что в нем Пачеко излагает доктрины, противоречащие тем, которые он сам изложил в других своих книгах; он поднимает 39 текстов и выделяет многие противоречия, возникшие у Нарваэса. На странице 36, на обороте, он начинает иметь дело с обобщением дестрезы, сведенной к науке командиром Иеронимо де Карранза, всех основ теории для необходимой и универсальной практики, а также других вещей, связанных с дестрезой, с некоторыми вопросами, задаваемыми фехтовальщиками-каррансистами (приверженцы доктрины Карранзы) другим фехтовальщикам-пачекистам (приверженцам доктрины Пачеко), на которые отвечает тот, кто их задает. Его Превосходительство г-н Энрике де Легуина, барон Вега де Ос, в своей работе «Книги фехтования», Мадрид, 1891 г., приводит следующие данные о произведениях Мендеса де Кармоны:

Мендес де Кармона (Д. Луис). Книга об истинном мастерстве оружия. Родился в знатном городе Эсиха в 1640 г. Рукопись с автографом, обложка с гравировкой. Один лист с гербом и 240 страниц. Посвящено дону Франсиско де Бийасис, графу Пеньяфлора, имеется его герб и подпись автора. Кроме того, для этой рукописи были выгравированы специальная обложка и портрет автора. Многочисленные поправки не оставляют сомнений в их подлинности. Коллекция мистера Э. де Бомонта.

Мендес де Кармона (Д. Луис). Сборник о защите согласно Карранзе. Посвящено его Превосходительству Франсиско де Гусману, Суньиге и Манрике, маркизу Аямонте. Автор родился в дворянском городе Эсиха. Обложка с большим гербом Манрике, 41 страница, и одна станица на оглавление. Интересно отметить, что эта книга - одна из немногих, которая противоречила принципам Пачеко, и автор решил опубликовать ее, потому что знал ошибки мастеров, которые пытались объяснить доктрину Карранзы. Он предложил опубликовать еще одну подготовленную им книгу о демонстрациях. Хотя она должна была быть напечатана в Лиссабоне в 1640 году, Пачеко уверяет, что она напечатана в Севилье, и что предполагается, что она была одобрена под именем Д. Луиса де Сильва. Обман и разочарование.

Мендес де Кармона (Д. Луис). О ловкости оружия. Рукопись, XVII век, оригинал. Посвящение маркизу Аямонте и предисловие - полностью совпадают с теми, что в печатной книге, которую мы только что процитировали; но текст во всех отношениях отличается, и эта копия, возможно, является почерком Кармоны из-за множества исправлений и поправок, которые в ней есть, и представляет большой интерес. Эта рукопись, которую Д. Энрике де Легуина, руководствуясь надписью на первой странице, озаглавленной «О де-стрезе оружия», является той, которую мы рожаем сегодня на свет, с ее реальным названием. Состоит из 20 страниц. Первые двенадцать - это письма, по видимому перепис-

чика, а остальные восемь - это письма автора, возможно, самого Кармона. Она переплетена в пергаментную ткань, а перед этим - страница с длинной запиской г-на Легуина. В заключение, в рукописи говорится о том, что уже было сказано в этом примечании. Гравюра в этой книге на странице 54 выполнена, по-видимому, другой рукой и с использованием других чернил, точно такая же, как и в книге «Метод обучения маэстро» Диаса де Виедма, Барселона, 1639 г. Важные предупреждения для опытного фехтовальщика должны были быть написаны около 1639 г., и хотя они посвящены маркизу Аямонте, мы считаем, что их автор написал их с целью обучить других дворян оружейному мастерству. Я хотел бы похвалить язык и стиль нашего автора. Как современник наших лучших писателей золотого века, его перо скользит с величием и простотой нашей лучшей классической прозы. Мендес де Кармона всегда демонстрирует свою личную философию в принципах, которые он чувствует или применяет; в этом аспекте его Предупреждения также достойны похвалы. Это всё, что можно сказать о мастере фехтования Луисе Мендесе де Кармона и его работах.

П. Виндель
Мадрид, 29 августа, 1899 г.

ДОНУ ФРАНСИСКО ДЕ ГУСМАНУ СУНЬИГЕ И МАНРИКЕ,
МАРКИЗУ АЯМОНТЕ

Мне очень повезло, Ваше Превосходительство, что я смог сделать Предложения более высокого карата, которые соответствовали бы существу и ценности Вашего Превосходительства и обязательству, которое я признаю. Но поскольку князья и прославленные лорды не обращают столько внимания на дар, хотя он и мал, как на волю и влечение, с которыми он им преподносится, так как основан на гуманности и благородстве, которые Ваше Превосходительство использует со всеми своими воспитанниками, то я осмелюсь представить и посвятить ему этот маленький трактат о важных предупреждениях для фехтовальщика, в котором будут найдены вещи великой пользы для защиты человека и сохранения его жизни, и поскольку они являются частью моего короткого остроумия, я признаю, что они не будут иметь ценности из-за Вашего Превосходительства; но, находясь под такой защитой и укрытием, это правда, что трактат будет иметь большую ценность и уважение, и будет принят всеми, ради чего я прошу Ваше Превосходительство, насколько смиренно и решительно я могу, с любовью и волей признать то, что я предлагаю, с чем эта работа будет защищена так, как я был вознагражден и обязан служить Вашему Превосходительству, чью жизнь спасает и сохраняет наш Господь, как того желает его скромное создание.

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ АВТОРА К ЧИТАТЕЛЮ

Как говорит философ, для человеческой природы так характерно быть подверженным ошибкам, что, не исключая любого (любопытного читателя), он пришел к выводу, что люди ошибаются; и когда эта неприятность не была унаследована от наших прародителей, опыт учит нас тому, что без предшествующих актов теоретической практики невозможно достичь дополнения к практике. Первое, что нам нужно сделать, это ассимилировать наше понимание в наших первых принципах на чистую доску, которой не хватает краски. Признаюсь, что у меня могло бы быть много ошибок, если бы это выродилось из правил и списков, подобных тем, которые были у меня от великого учителя Иеронима Санчеса де Карранзы, названного в честь его деяний, прославленных за его работы и обладая такими продвинутыми талантами в этой науке, что он был непревзойденным изобретателем, которому дают славу и лавры, и не только наиболее склонные в Андалусии но и весь земной шар с большой помпой и аплодисментами, в такой большой форме, что без преувеличения можно назвать невинным того, кто обычно не следует учению и великой доблести этого человека, в присутствии которого они стали не только неравными, но и очень мелкими, те, кто слепо отвернулся от таких искусных документов; и хотя я могу показаться страстным в этих похвалах и признании за то, что являюсь запрещенным учеником, что я настолько ценю, - но аргументы и его писания настолько сильны, что без него остановится тот, кто не следует за ним. У меня есть очень определенные предпосылки для поддержания той, которая есть у меня в этой науке для того, чтобы идти ясными и образцовыми путями к самым слепым глазам вульгарных; хотя в прошлые годы я следовал и защищал дисциплину и обучение некоторых мастеров оружия, с названием, которое, как они утверждали, принадлежит к наиболее избранной доктрине - доктрине командора Иеронима Санчеса де Карранзы, и, увидев и признав ошибки этих учителей, я попытался отозвать то доверие,

которое у меня было, прежде чем исправлять свои ошибки в работах и трудах Иеронима де Карранза, свое невежество по отношению к его науке, до тех пор, пока я не продемонстрирую, что я исповедую. И я делаю это не из желания быть мастером фехтования, которым я не являюсь и не являлся, и не думаю им быть, но побуждённый своей совестью и с повелением определенного человека или лиц, которым я не только обязан всем уважением, но и очень справедливыми обязательствами, немалые для читателя. Если посмотреть на эти записи, то можно считать, что это человек, который хочет преуспеть, так как он не ошибся в происхождении и принципе, которые были; в прогнозе хороших целей, которые получили из этой книги. Я не сомневаюсь о надлежащем вознаграждении за мои усилия. Если бы я имел его, то благодаря благородству читателя, и главным образом — по милости автора, которому будет дана вся честь, а слава - Богу, Господу нашему. Философы-любители должны отметить, что добродетель, доктрина и наука об оружии не состоят в том, чтобы смотреть на надписи, есть ли запятая, или точка, или отступ, или если они написаны на хорошей бумаге черными чернилами и красивым, отшлифованным почерком, а смотреть нужно на суть и эффективность учения, которому должны быть обучены все, без предисловий, оправдывая всю плодovitость, чтобы все могли одобрить его, предупреждая, что если что-то и останется в этом трактате, то я скажу это (если Бог дарует мне жизнь) в обещанной книге Демонстраций, последнем уменьшенном варианте кодекса, где, чтобы понять его, не понадобятся сиропы, чтобы получить мед, так как некоторые летописцы замолчали, потому что не поняли текст Иеронимо де Карранзы. Марсилио Фичино, книга I, говорит, что для того, чтобы человек мог познать любое искусство или науку, ему должны помогать и благоприятствовать девять вещей: первые три - это три небесные планеты, Меркурий, Солнце и Венера; следующие три приходят из души, это устойчивая воля, острота ума, твердая и цепкая память; остальные три - земные, это: самый благоразумный отец семьи, самый из-

бранный учитель и самый обученный врач. Этот философ говорит, что без этих девяти вещей никто не сможет достичь цели, которую он намеревается достичь в таких науках; далее он объясняет причину того, что было сказано выше, что Меркурий помогает нам искать путь, которым мы должны руководствоваться в науке; солнце помогает и освещает своей ясностью и блеском тех, кто ищет науку; затем приходит милостивая Венера, которую справедливо называют матерью милосердия, она дает благодать, чтобы можно было искать с Меркурием такую науку, какую захочешь, и дает благодать, чтобы Солнце сияло своими лучами; трех других вещей мы добиваемся старанием и усердием; как и в случае с последними тремя, отец семьи необходим для поддержки и управления того, кто учится; избранный учитель, может знать, как учить; и врач, может вылечить дефекты, которые достигаются в таких исследованиях.

ГЛАВА 1

ЧТО ТАКОЕ НАУКА И КАК ОНА ОТЛИЧАЕТСЯ ОТ ИСКУССТВА, И ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ДЕСТРЕЗА ОРУЖИЯ НАУКОЙ ИЛИ ИСКУССТВОМ

Для того, чтобы объяснить эту главу, необходимо сначала уведомить с Аристотелем (его книга об этике), и с ангельским врачом святым Фомой, в вопросе 5 и 7, что **привычек понимания, с которыми мы узнаем истину без ошибок – пять, а именно: ум, мудрость, рассудительность, искусство и наука, с помощью которых мы узнаем истину безошибочно**, привычки которой отличаются от подозрений и мнений, и в них, хотя иногда мы узнаём некоторые истины, очень часто приходят с ошибкой. Теперь остается только узнать, что такое **мудрость, то есть то, что рассматривает высшие дела, такие как Бог и ангелы, и вместе с тем включает в себя знание всех других наук; рассудительность - это причина для того, чтобы делать что-то правильно и восстанавливать обычаи; искусство является хорошим поводом для того, чтобы делать некоторые внешние работы, и, наконец, наука является определенной и очевидной привычкой, выведенной из определенных и очевидных предпосылок, по которым наука со своей уверенностью отличается от мнения, которое всегда идет со страхом в своих действиях**. Следует отметить, что искусство можно рассматривать двумя способами: во-первых, как таковое, какое оно есть, в той мере, в какой оно рассматривается с наукой, и, во-вторых, как либеральное искусство, в котором оно представляет собой собрание многих наставлений; во-вторых, искусство считается ненадлежащим в той мере, в какой оно отличается от науки, и в этом отношении становится поводом для создания каких-то необычных работ, которые идут на осуществление некоторых вещей и которые правильно называются действиями, такими как строительство, резка и забивание молотком, которые являются механическими искусствами, потому что это осуществляется только в ма-

териях, которые имеют форму при выполнении телом и отличаются от либеральных искусств, которые являются одними и теми же с наукой, в том, что либеральные искусства содержат интеллектуальные действия, а другие - телесные действия. Таким образом, имея дело с наукой, с либеральным искусством, с механикой, теперь остается выяснить, к какому из этих жанров сводится дестреза оружия, наука это или либеральное искусство, или механика. Я говорю, что поскольку дестреза оружия регулируется и управляется действиями по пониманию и знанию последствий причин, основанными на математических принципах, то, как говорят, это либеральное искусство и сбор многих наставлений, по которым фехтовальщик узнает пути, по которым он должен идти, и средства, которые он должен взять, и цели, которые он может иметь, по которой часть регулируется наукой, и таким образом становится одним с ней, в той мере, в которой она осуществляется действиями тела, чтобы ранить и защитить ее от противника; об этом говорит Иеронимо де Карранза в первом диалоге, совершая парирование и другие необходимые требования; таким образом, это становится искусством и приводит к наличию части науки с точки зрения знаний, и части искусства с точки зрения упражнений, в связи с чем либеральное искусство – это участие навыка понимания, что является наукой, и другого крайнего смысла, которое является искусством.

ГЛАВА 2

ЧТО ТАКОЕ ИСТИННАЯ ДЕСТРЕЗА И ДЛЯ ЧЕГО ОНА БЫЛА ИЗОБРЕТЕНА

Дестреза оружия является тактичным изобретением, с которым человек находит то, что удобно для его сохранности, без каких-либо ошибок в опасности; это метод, чтобы действовать научно с определением понимания, с точки зрения ранения и защиты себя; это располагающий способ умышленной концепции фехтовальщика, с помощью которого он находит наиболее удобные средства для уменьшения в действии того, что понимание порождает в

его силе. И если кто-то из любителей хочет узнать, зачем была изобретена истинная дестреза, я прошу вас обратить внимание на христианскую дестрезу, диалог 4, из книги Иеронимо де Карранзы, и вы найдете на стр. 154, что истинная дестреза была изобретена для защиты человека и сохранения его жизни. И далее в нем говорится, что точно так же, как и медицина способна с помощью лекарства дать здоровье больным, так и истинная дестреза способна защитить человека от противника и атаковать его, если того требует случай; также в этой же книге говорится, что истинная дестреза - это научное знание и простое использование, которое учит наносить раны и защищаться от противника.

ГЛАВА 3

ГДЕ ДЕКЛАРИРУЮТСЯ ТРИ НЕОБХОДИМЫХ ПУНКТА: В ПЕРВОМ ГОВОРИТСЯ, ЧТО ТАКОЕ ДЕМОНСТРАЦИЯ; ВО ВТОРОМ - ЧТО ТАКОЕ ЧАСТЬ И ЧТО ТАКОЕ ВСЁ (ЦЕЛОЕ); В ТРЕТЬЕМ - ПРЕДМЕТЫ РАЗГОВОРА ИСТИННОЙ ДЕСТРЕЗЫ

Одним из наиболее необходимых и важных моментов истинной дестрезы, с которым мы будем иметь дело в этой главе, является определение демонстрации, которое, согласно Аристотелю, книга «Предыдущее» - это силлогизм, состоящий из первых, истинных и непосредственных причин. С первыми человек приходит к познанию заключения; и приспособивая это к нашей цели, мы скажем, что **демонстрация - это форма речи, с помощью которой вещь приходит к пониманию и познанию, когда она выводится из ее причин**, и это ее причины, которые не могут быть иначе, как, когда искусный ученый знает, что его противник утверждается рукой и мечом в высшей позиции тупого угла, или в низшей позиции в остром. Мы скажем определенную и известную вещь, что прямой угол больше достигается, рана выпадом из средней пропорции. Во втором пункте, который говорит о целом и частях, согласно Аристотелю, глава 7 книги о Демонстрациях, в главе 10 и 2 и в книге 1, он говорит, что целое есть не что иное, как

объединение частей, которое приходит, чтобы сделать целое, состоящее из его частей, которые должны пониматься как физическое целое или нечто подобное. И так фехтовальщик использует завершающее движение целого и его частей, которые являются движениями ног, тела, руки и меча, так что все эти движения вместе составляют единое целое, которое должно закончить уловку. Мы также называем всё - целым, как весь кипарис или палка; частями называем то, что вместе составляет целое, как дом состоит из материалов; таким же образом мы скажем, что человек является целым, потому что он состоит из многих частей. Установив эту причину, мы будем называть руку и кисть вместе с мечом - частью, а не целым, целое – это тело, и когда это будет услышано, и сказано в дестрезе и упражнении с оружием, как в практическом, так и в теоретическом плане, что часть идет на одной стороне, а целое - на другой, будет само собой разумеющимся, и станет известно, что движение тела и ног идет с одной стороны, а движение руки и меча с другой, как, например, когда фехтовальщик наносит диагональный порез ножом на левую сторону противника и переходит компасами на правую сторону врага, или как, когда фехтовальщик вращает меч противника своим собственным мечом и выбрасывает его в общей уловке слабой части меча под сильной частью меча противника. И когда человек слышит, что «всё» и «часть» должны идти в одно место, он должен понять, что движение ног, тела, руки, кисти и меча направлены все вместе в одно место, или в одну точку, например, когда мы наносим рану первого намерения, то в движении ног, тела, руки и меча начало и конец объединяются, создавая во всех этих движениях созвучие, подобное музыке, или когда мы несем противоположный меч вперед своим мечом по правилам кратчайшего пути или пересечения. И когда говорится об объединении части со всем ее целым, то следует понимать, что рука, как часть, приближается к телу, составляющему ее целое, и когда часть соединяется со всем ее целым, то острый угол, который фехтовальщик делает своим мечом, будет укреплен, удерживая противоположный меч; и фехтовальщик, достигнув пропорциональной середи-

ны своими частями, сможет наносить раны и защищать себя.

ГЛАВА 4

ГДЕ ДОКАЗАНО, ЧТО ИСТИННАЯ ДЕСТРЕЗА ЗАВИСИТ ОТ
НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ И ЖЕЛЕЗА, КОТОРЫЕ МОГУТ БЫТЬ
НАЙДЕНЫ У УЧЕНОГО, И СНОРОВКИ, КОТОРАЯ МОЖЕТ
БЫТЬ НАЙДЕНА У НЕВЕЖЕСТВЕННЫХ

Обычно все философы, имея дело с каким-то факультетом или наукой, ставят перед всеми вещами объект и цель, куда идет такая наука, так, что без объекта он бы ходил слепо и безосновательно, потому что тогда, он будет действовать запутанно и ошибочно, и чтобы в этом трактате он не деградировал от порядка и метода, которым следуют философы, он будет хорошо следовать им, ставя в качестве предмета всеобщую защиту человека, которая разветвляется и берет начало в геометрии, дочери математических дисциплин, которая занимает первое место среди всех естественных наук за доказательства и ясность. Остается только доказать, что истинная дестреза основана на науке, и что так оно и должно быть, ибо через нее ученый фехтовальщик узнает следствие по его причине, что части и требования необходимы для того, чтобы так оно и было, и поэтому второе определение, данное принципом философов, Аристотелем, в книге 2 о Демонстрациях, глава 2, что это привычка и простота использования, определенная и правдивая, приобретенная демонстрацией, и правда, что она не нуждается в больших доказательствах, потому что, как я уже говорил, она основана на математических дисциплинах, науках, которые все являются чистой демонстрацией, ибо она декларирует, что такое точка, долгота, широта и глубина и всевозможные фигуры. И что эта наука об оружии является привычкой, приобретенной через демонстрацию - очень верно, ибо тот, кто тренирует ее каждый день, более подвижен и готов, как в практическом, так и в умозрительном знании для новых действий, которые он делает, их нельзя сделать без де-

монстрации, от того он приходит к знанию тех частей, из которых состоит наука, что является привычкой и простым использованием, приобретенным через демонстрацию. Что же касается другой части, которая говорит о том, что это одна из самых благородных наук, то это очевидно так, ибо она нацелена на благородный объект, который заключается в сохранении жизни людей и естественной защите человека, к чему все стремятся прибегнуть как можно больше, одни больше, другие меньше, в соответствии с их ловкостью, энтузиазмом и уверенностью, находя невежественных и ненаучных далеко позади тех, кто знает, потому что они, имея основу, всегда идут к главной цели и точке, которую им дает их противник спекулятивной наукой, и выполняя это на практике. И поэтому среди умных фехтовальщиков часто возникает вопрос о том, может ли ученый фехтовальщик ошибиться, а невежественный – попасть в цель, на который легко отвечают, что очень часто у мужчин не все получается правильно, они не всегда попадают в цель, потому что не обладают совершенным знанием истины, и поэтому, что касается этой части, очень типично для человека ошибаться, это общая аксиома, и поэтому нужно определить ее и прийти к намерению, которое заключается в том, чтобы спросить, может ли ученый ошибиться, а невежда сделать все правильно. Я отвечаю, что ***сведущий в дестрезе человек, который не испытывает нужды в этой науке, не может ошибиться, потому что наука, как мы уже говорили, является определенной и очевидной привычкой, направленной на знание истины***, но, если бы этот ученый фехтовальщик ошибся, что бы мы ответили? Я предупреждаю вас, что фехтовальщик будет ошибаться, когда ему не хватает науки и истинного знания о точке или ране, которую он должен нанести противнику, но он не будет ошибаться, как ученый, а как невежда. Ко второму вопросу, если человек не научен, а химерен в своем мастерстве, без основания и знания истины, как это видно сегодня, он может попадать в цель? На это я отвечаю, что, хотя у него может и получаться

всё правильно, и он действительно попадает в цель, но он не идет с научным знанием, а идет случайно, вслепую, не зная, что делает, потому что ему не хватает правил и демонстраций, по которым он должен идти, чтобы достичь своей цели, поэтому он не вернется во второй раз к знанию, как подобает, но, возможно, как невежда. Против вывода этой главы стоит предоставить возражения некоторых фехтовальщиков, которые говорят, что наука не основана на физических упражнениях, а эта наука об оружии - зиждется на оружии, и, следовательно, это не наука, подтверждая это тем, что наука не говорит о частностях. Ответ на этот аргумент заключается в том, что ***истинная дестреза основана не на реальных и истинных физических упражнениях, а на истинных и универсальных знаниях фехтовальщика, который, как ученый, смотрит на результат, исходящий от его дела, с чем фехтовальщик знает не только то, что может сделать оппонент в действии, но и потенциально знает короткие движения, которые оппонент может совершить первого намерения***, в которых не так много времени, как в движениях второго намерения, так, что когда ученый фехтовальщик практикуется, он смотрит в первую очередь не на это физическое упражнение, а на знание, которое заключается в умозрительном построении истины, на которую он смотрит, как на истинный объект. Ко второй части этого аргумента, в котором говорится о том, что наука не говорит о частностях, я говорю, что в первую очередь эта наука об универсалиях, и поэтому когда понимание овладевает всеми особыми требованиями этого искусства, фехтовальщик идет с парированием повсеместно, и чтобы это парирование было универсальным, оно должно быть сформировано из всех частей, которых требует искусство и дает наука, и пусть любители понимают, что одно дело - идти без искусства, чтобы сделать парирование, а другое - идти с искусством. И это предупреждение, что могут быть некоторые различия в том, чтобы идти без искусства, чтобы сделать парирование, потому что ***в то время, когда невежественный человек занят в поисках меча,***

ученый фехтовальщик может искать тело, и это доктрина Иеронимо де Карранзы. Таким образом, необходимо идти очень осторожно в поисках меча с парированием. Важно для фехтовальщика то, что для того, чтобы действовать универсально, нужно иметь полное и истинное знание соразмерных и средних пропорций, которые являются величайшим основанием истинного мастерства, вместе со знанием профилей тела, положения меча, фигур углов, а также простых и изогнутых компасов, когда они должны быть изогнутыми и когда прямыми, когда назад и вперед, в одну сторону, в другую, а также о знании такта, одного из главных чувств, и о подходящих и нехарактерных движениях; и следует отметить, что я называю подходящими движениями те, с которыми наносится рана; а нехарактерными те, с которыми человек не ранит, и без этих требований есть другие, которые являются обманом, нападением, ложью, парированием и прочими вещами, которые я прохожу в тишине. И вот ученый фехтовальщик, обладающий универсальными знаниями о том, что было сказано, будет действовать универсальным парированием, с помощью которого трудность будет разрешена, стараясь в следующих главах объявить всё, что предлагается, в соответствии с тем, чего он может достичь, и что он может сделать. Завершая в этой главе определение универсальности, мы скажем, что это правило и мера судьбы, которую мы должны иметь с противоположным мастером во всех единичных уловках, чтобы как бросаться на выпад, так и ждать.

ГЛАВА 5

ГДЕ ПРЕДСТАВЛЕН ОТВЕТ НА ВОПРОС ФЕХТОВАЛЬЩИКА:
ЧТО ИМЕЕТ БОЛЬШУЮ ЦЕННОСТЬ, УНИВЕРСАЛЬНОЕ ИЛИ
ЧАСТНОЕ?

Поскольку все науки, искусства и ремёсла состоят из определений, разделений и аргументов, то хорошо было бы ответить на любопытный вопрос: что

является более ценным с точки зрения дестрезы и упражнений с оружием, частное или универсальное? На это отвечают, что как только универсальное становится главным (то бишь, владельцем и господином), в соответствии с которым содержатся частные, то оно становится по своей сути и достоинству более ценным, чем частное, ибо от него происходит и нисходит частное, как от корня и основания и принципа бытия и начала, которые они имеют, и универсалии без сравнения имеют большую ценность, чем частное. Но что касается действий и дедукции, то только частное осуществляет это, сокращая то, что было в знании, в формировании и действии, что являются ремеслом частного, и поэтому у них различные ремесла, одни для того, чтобы учить и демонстрировать, а другие для того, чтобы действовать и осуществлять то, чему учит универсальное. И что касается этой части, то тут именно частное является более ценным, чем универсальное.

ГЛАВА 6

ГДЕ ПРЕДСТАВЛЕН ОТВЕТ НА ВОПРОС, КОТОРЫЙ ЗАДАЕТ ФЕХТОВАЛЬЩИК: ЧТО ЦЕННЕЕ, НАПАСТЬ ИЛИ ПОДОЖДАТЬ?

На этот вопрос можно ответить с необходимой оговоркой: ***всё, что делается, безусловно, более ценно, чем то, что потенциально ждет***, потому что главная цель, к которой сводится власть, - это акт (действие), на которое она ориентирована и к которому не приходит, что соответствует поговорке Аристотеля во 2-ой книге о Физике, где он говорит, что «*напрасна та сила, которая не сводится к действию*», из чего можно сделать вывод, что она будет иметь большую ценность в действии, атакуя простой уловкой, чем та, которая находится в ожидании, предупреждая, что ***тот, кто наносит удары, должен обладать универсальным знанием***. Другая очевидная причина заключается в том, что тот, кто ждет, как мы уже говорили, находится тоже в некоей силе, хотя, это не такое благородное действие, как нападение, и тот, кто ждет, даже если он видит,

едва ли может судить по той стороне, в которую может войти тот, кто атакует с помощью простой уловки, и это потому, что это вещи, которые зависят от скрытого намерения того, кто атакует, и поэтому тот, кто ждет, должен быть поражен больше всего, а тот, кто нападает, знает по профилю тела или положению меча угол и где сильная часть, а где слабая. Если фехтовальщик знает, что меч противника находится в положении прямого угла, то в этом случае необходимо начать с меча, вынимая его из положения, в котором он заставлял перейти в крайнее положение, что будет сделано по универсальному правилу парирования, которое можно сделать изнутри наружу, или первым намерением. И если фехтовальщик знает, что противоположный меч находится за пределами и на месте без подозрений, то в таком случае фехтовальщик может начать выдвигание телом, а по тому расположению, которое дает противник, он будет знать, что делать дальше. И в заключение по этому вопросу скажу, что **по многим причинам лучше атаковать, чем ждать**, предполагая, что каждый придет в свою юрисдикцию с благородством, как мы докажем в этой главе. Это правда, что в состязаниях – чувства настроения меняются со случаями так, что, если человек разозлил другого, лишив его чести, когда они пришли ссориться, то нехорошо, если атакующий бросился на обиженного, атакуя его раной первого намерения, хотя выразительность его настроения холерическая, потому что раздражительность всё еще остается, и, таким образом, атакующему удобно ждать, чтобы сделать свою защиту с помощью универсального парирования. Любопытный спросит, почему у атакующего нет раздражительности: я отвечаю, что **для того, чтобы раздражительность была в субъекте, необходимы две вещи: одна - закипание духов в сердце; вторая - это жажда мести**; и поскольку у атакующего нет этой жажды мести, предполагая, что он тот, кто оскорбляет, то у него нет одной из вещей, необходимых для раздражительности, из чего следует, что у атакующего нет раздражения, как мы уже сказали выше. Но атакованный, так как, с одной стороны, достигается

обида, а с другой - жажда мести, именно по этой причине сила мести вынуждает его атаковать первым; из того, что мы сказали, можно сделать вывод, что когда бывают такие случаи, одному лучше ждать, чем делать выпад (что будет делать атакующий), а другому более почетно ждать; но, повсеместно говоря, не предшествуя таким жалобам и делам о чести, лучше броситься в атаку, чем ждать.

ГЛАВА 7

ГДЕ ГОВОРИТСЯ О ТОМ, ЧЕМУ УЧИТЕЛЬ ДОЛЖЕН НАУЧИТЬ УЧЕНИКА

Поскольку эта глава так необходима и важна для учителей, которые обучают применению оружия, и для учеников, которые их угнетают, было бы неплохо предупредить их о некоторых моментах или наставлениях, которые должны соблюдаться, и поэтому **я советую учителям и практикам, что, обучив ученика основам и особым требованиям этого искусства, они должны следовать мнению и учению, оставленному нам командором Иеронимо де Карранза**, который говорит в своей книге «Философия оружия» такие слова: **«Учитель не должен учить ученика тому, что он знает сам для себя, а тому, для чего нужны сила, мужество и расположение ученику»**. И он об этом говорит и предупреждает, потому что обычно бывает так, что учитель - флегматик, а ученик - холерик, и учитель, не обращая внимание на этот момент, учит ученика уловкам, составленным из второго намерения, которые не используются в его случае, так как эти уловки не равны привязанности его духа. И вот этому надо учить его, простым уловкам, а флегматика, который по своему образу ждет, надо научить составным уловкам второго намерения. И чтобы проверить то, что было сказано, он приводит пример с двумя лошадьми, которые были представлены Его Превосходительству герцогу Медины, г-ну Алонсо Пересу де Гусману Хорошему, которые были очень красивы по телу, размеру и силе, и соблазнив Его

Превосходительство новостью, что они бегают и останавливаются хорошо, он хотел увидеть их, и поэтому послал пикадора, чтобы тот сделал им больно и втянул их в гонку. Сделав так, они бежали и останавливались очень плохо, так что пикадор даже не смог их удержать, и увидев, как плохо было дело, он спросил Иеронимо де Карранзу, какой порядок или способ помог бы исправить такой большой дефект; тогда Карранза пришел посмотреть на раны от удил и обнаружил, что их перепутали, а затем послал пикадора, чтобы убрать их и дал удила для каждого места, и пустил их бегать во второй раз. В этот раз они прекрасно бежали и останавливались, и, видя их совершенство, поправка была очень непринужденной. Я принес это сходство только потому, что учитель предупреждает о том, что **нужно знать мужество, силу, наклонность и волю ученика, чтобы дать и научить каждого тому, что просит его природа. И когда учитель так делает, он будет извлекать пользу из доктрины для своих учеников.** А что касается занятий одного ученика с другим, то я советую учителю не позволять ученику или ученикам воевать в публичных массовых выступлениях до тех пор, пока они не смогут овладеть определенными основами искусства. И так, ученики по своей воле и соответствию, если они хотят сражаться, то будут делать это перед учителем, потому что если они совершат какую-либо ошибку с мечом, то учитель потом скажет, как нужно было сделать, разрешая и завершая любую трудность так, чтобы это удовлетворяло присутствующих и слышащих, как в теории, так и на практике, и тем самым учитель принесет пользу ученику, и тот будет полагаться на то, чему его научил маэстро. Я также предупреждаю приверженцев, что если им предлагают драться на массовых мероприятиях, то это должно быть таким способом, чтобы боялись не только противника, но и тех, кто присутствует, потому что в какой-то момент они не отважиться, а **сильный удар - это часть истинной дестрезы.** Только с князьями и лордами следует относиться с уважением и вежливо, и даже если фехтовальщик знает, что он может дать, он должен игнорировать, что про-

игрыш с лордами - это победа, и кто хочет сохранить друзей, тот не должен исполнять всё, что он знает, а добрым способом и порядком дать ему понять, что нет человека, каким бы деревенским он ни был, который не знает чего-то о том, что он видит или о чем ему говорят.

ГЛАВА 8

ГДЕ ДОКАЗЫВАЕТСЯ, ЧТО УЛОВКА ПАРИРОВАНИЕМ - УНИВЕРСАЛЬНАЯ

Когда мы произносим название чего-то значительно-го, оно не нуждается в объяснении, так как его значение проявляется в нем, и хотя сказать «универсальная уловка» - достаточно, чтобы знать, что это было парированием, мы тем не менее скажем о нем, что это универсальное препятствие против всех ран, как в типе, так и в виде, и потому, что мы должны иметь дело с этой уловкой, необходимо остановиться на некотором объяснении. Вы найдете беспристрастных мастеров в высказывании теории искусства. Так, Иеромино де Карранза говорит следующее: **«Универсальная уловка - это уловка, которая делается против парирования, против реверса и против выпада, чтобы атаковать, а также чтобы ждать»**. А потом говорит: **«Уловка парированием – универсальная»**, и проверяя и давая понять то, что он сказал, парирование в дестрезе - это когда одно из оружий поставлено на другое, и то оружие, которое подчинено - имеет меньше частей, по которым можно выйти, чтобы ранить, от чего не уйдет ни один фехтовальщик и не сдвинется с места, из-за той ценности, которую она имеет сама по себе, что я докажу по очевидным и ясным причинам, которые есть касательно этого. *Есть три общие раны, которыми один из бойцов может нанести рану своему противнику, а именно: парирование, реверс и выпад*; парирование - это только одна рана, и хотя формально она специфична, потенциально мы скажем, что она универсальна, что касается способности предотвратить и удержать три раны, которую нельзя было бы сделать, если бы она не была универсальна.

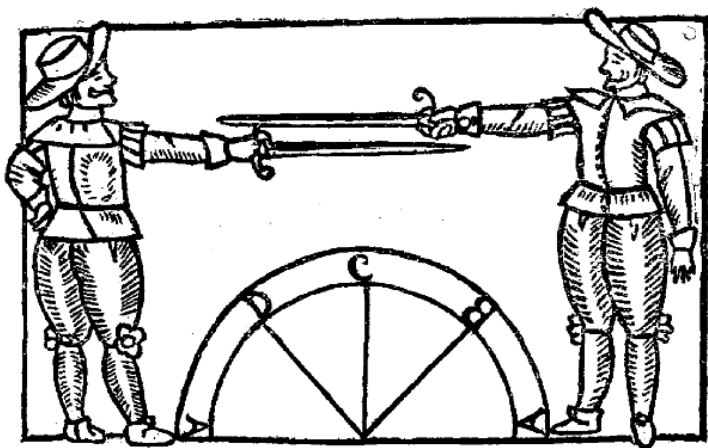
Можно доказать, что она универсальна, таким образом: универсальность, по Аристотелю, определяется в разных местах тремя определениями, которые все сводятся к одному. Первое находится во второй книге о метафизике, в гл. 13, и в первой книге о демонстрациях, где говорится, что это то, что может находиться во многом, а не то, что в настоящее время есть, потому что будет много универсалий, которых в настоящее время не может быть во многом, а только в одном, как и солнце, луна и мир, потому что они могут быть во многом, что является существенным определением универсального, данное философом в Книге 1, говоря, что универсальное - это то, что может быть обнародовано от многого. Третье определение находится во многом и вне многих, и поскольку это не является нашей целью, я на этом останавливаться не буду. Предполагая определения из универсальности, которые проповедуются многими, вполне можно прийти к объяснению универсальной уловки парирования, которая определяется так для удобства и доказывается следующим образом: **Универсальное - это то, что находится во многом.** В уловке парирования вы найдете эти свойства, тогда эта уловка будет универсальной. Еще лучше доказывается, что универсальная уловка парированием - существует против пореза, против реверса и против выпада, чтобы атаковать и ждать; уловка, которая против пореза, реверса и выпада имеет существенные свойства универсального. Тогда следует, что уловка парированием является универсальной. Против этой истины не было недостатка в тех, кто говорил, что парирование не является универсальным, утверждая, что если бы оно было таковым, то он должен был бы понимать каждое конкретное движение, говоря, что, поскольку он не понимает их, то не может назвать их таким именем, говоря, например, что он не понимает противоположной линии, когда она беспокойно ходит под острым углом, и не понимает круговых движений, которые делаются или формируются для пореза или реверса с задней стороны, делая эти круговые повороты до тех пор, пока не будет достигнут тупой угол,

и так как это правда, что он не понимает того, что было сказано, по этой причине это нельзя назвать универсальным. На это софистическое возражение легко ответить: что **парирование не должно включать в себя, ни удерживать движения, которые являются нулевыми и отсутствующими. Нулевые и отсутствующие движения – это те, которые не способны причинить вред.** И так будет достаточно, чтобы это парирование включало в себя порез и реверс, и выпад, которые являются тремя общими ранами, которые все люди используют, когда они сражаются с холодным оружием или бьются на площадях или окруженных дворах с мечами, и разрушают и отвлекают этими движениями, с которыми образуются эти раны. Остальные не упоминаются, ибо они не могут иметь эффект раны; и поэтому я говорю, что от движений, которые дают раны, нужно быть осторожным, это: естественный удар порез или реверс, случайное вторжение для выпада и наклонное для полупореза или полуреверса. Эти движения являются разрушающими и отвлекающими, об остальных не стоит и помнить, касательно тех, которые делаются в отсутствии, что отсутствующими можно назвать все те, которые выйдут за пределы воображаемой окружности между телами бойцов; а остальные зависят от значения универсальной уловки парирования. И если какой-то неверующий не хочет признавать то, о чем здесь сказано, я прошу дать ему другую уловку, которая имеет большую ценность, чем универсальная уловка парирования; и если я дам ее, что невозможно, то я признаюсь, что я был неправ с командором Иеронимо де Карранза, и скажу, что он был не прав, утверждая, что уловка парированием является универсальной. Но я предупреждаю приверженцев, если они осмелятся противостоят и противоречить фундаментальной доктрине маэстро испанской нации Иеронимо Санчеса де Карранзы, им нужно, чтобы орлиные перья сопровождали понимание в его тонкости. И отрезать их хорошо, чтобы не допустить путаницы в записях, как было сделано некоторыми тщеславными спорящими фехтовальщиками. Я говорю и учу в своих трудах порядку, который должен иметь фехтоваль-

щик, чтобы знать способ, как сделать парирование с любой стороны из трех путей. Суждение Иеронимо де Карранзы, в котором он говорит, что уловка парированием является универсальной, означает, что фехтовальщик парирует и заканчивает свою попытку по кратчайшему пути, то есть, выбрав короткий путь, мы быстро придем к намеченному концу, оправдывая лишние и дерзкие движения. Что касается компасов и движений ногами, как движения мечом и уловки, которые делаются по кратчайшему пути, это вполне можно назвать уловкой парированием. И это, кажется, то, чему учит Иеронимо де Карранза на стр. 63, говоря, что *«то, что касается опыта, это быстрота в применении суждения, оперативность в движении, сила в опасности, пронзительность в ранах или уловках, легкость в выходе из опасности»*, в этих словах более значимыми оказываются сокращение, укорачивание и завершение; это же есть на другой странице, где сказано: *«регулируя тело во всех его профилях и расставляя градусы для всех движений, которые создают расстояния всех вещей, делается универсальный вывод, чтобы не быть под сомнением к нападению противника и защите фехтовальщика»*. Второе суждение заключается в том, что Карранза говорит в первых словах этого текста, что он вытаскивает универсальный вывод и истинное знание из основ дестрезы и из ее основных вещей и из всего того, чему учит искусство, хорошо известно и осуществляется фехтовальщиками, чтобы знать в свое время, чтобы применить к каждой вещи, которую делает противник. Третье суждение - это суждение г-на Луиса Пачеко де Нарваэса, преподающего по своим пяти путям, не одобренным как хорошие многими учеными фехтовальщиками. Четвертое суждение заключается в том, что, идя по кратчайшему пути, с помощью которого практически используется и осуществляется универсальное, во втором способе это является универсальным; когда он хочет действовать, он конкретизирует каждую вещь саму по себе в разных действиях, принимая реальную форму. ***Существует особый путь в дестрезе, который Карранза назвал кратчайшим путем, который***

является универсальным. Карранза понимает в первую очередь, что фехтовальщик сокращает во всех случаях и избегает задержек; при длинном способе, можно сказать, что он универсальный, потому что это правило, которое предписывает парировать слишком много движений и лишние движения, а в необходимых и вынужденных - убить. Поняв всё, что было сказано до этого, и сделав фехтовальщика способным на все основы, стоит отметить, что положение с большей досягаемостью - это положение под прямым углом, без крайностей в теле, ногах, руке, кисти и мече, но с прямым позвоночником, как мы видели в раскрашенном и обнажённом маленьком человечке на рисунке, который образует три круга, которые может сделать фехтовальщик в трёх суставах: плече, локте и запястье. Обратите внимание, что если бы фехтовальщик хотел сделать парирование по пути положения меча, то он сделал бы это с правой стороны противника, по окружности, это буква А. Прежде всего, он выберет среднюю пропорцию, сообщая со своей линией противоположную, и с более высоким углом он будет удерживать ее большими степенями своего меча к меньшим степеням меча противника, это части шесть или семь от меча фехтовальщика до четырех или пяти меча противника, и с быстрым движением части и всего целого фехтовальщик войдет в соразмерную пропорцию, делая изогнутый компас в два с половиной фута, более или менее, неравномерный по отношению к своему противнику так, что если соперник стоит в профиль, то фехтовальщик должен держаться в квадрате, поворачивая или скручивая кончик правой ноги к внешней стороне своей правой стороны. И тело, и ноги нужно разместить так, потому что у противника нет досягаемости ни снаружи, ни изнутри. Удержание будет сделано с большой пронизательностью и осторожностью, не прилагая больше усилий в естественном смешанном движении, чего будет достаточно для того, чтобы удержать противоположную линию. Меч, что выше, будет немного сдавливать и сильно опустит тот, что ниже, и хотя фехтовальщик делает это с мечом, хотя с этой стороны фехтовальщик удерживает меч противника под четырьмя углами, два угла, со-

ставляющие букву В, острые, а два других, составляющие или указывающие на букву С, тупые; для фехтовальщика будет удобно занять острый угол для себя, а противнику предоставить тупой, который является самым большим из всех, то есть, недостижимым по своей природе, хотя, смотря хорошо на все виды углов, они могут быть заняты, как фехтовальщик выбрал соразмерную пропорцию с расположением, без которого они не могут быть заняты, и это должно быть сделано, хватая меч противника в действии. Обратите внимание, что по этому пути фехтовальщик должен сделать три угла; первый - это тот, который он делает при хорошем положении ног, тело нагружено; второй - угол, который рука делает с телом; третий - тот, который фехтовальщик должен занять для себя и тот, который он должен занять своим телом; и для большей ясности, мы нарисуем эту демонстрацию, чтобы показать, как должны находиться фехтовальщик со своим противником.

Итак, если противник идет (принимает) парирование, фехтовальщик нанесет рану в самую ближайшую сторону, наиболее открытую и наименее опасную, как мы обучали ранее на демонстрации с маленькими человечками и точками, указывающими на три буквы, А.В.С, и чтобы подтвердить сказанное, мы нарисовали эту демонстрацию так, чтобы любитель знал, что для того, чтобы ранить прямым выпадом, он должен добавить силу или большие степени своего меча к слабости меча противника таким образом, чтобы, помимо силы, он мог травмировать удалёнными частями – пунтой или слабой частью. Обратите внимание, что если фехтовальщик делает парирование, а противник поднимает руку и меч, образуя резкое движение, чтобы сделать порез, разрез или реверс, то фехтовальщик может сначала ранить прямым выпадом под правую руку, который мы называем выходом, попытайтесь сделать эту рану до того, как естественное движение пойдет вниз, не оставаясь при этом в ударе, а очень быстро нанося рану выйти к средней пропорции. Для фехтовальщика будет удобно находиться в профиль, размещая своё тело позади руки и меча, чтобы ранить, что таким образом он будет защищен с этой стороны. И если фехтовальщик хочет сформировать завершающее движение, обратите внимание на

то, когда противник будет идти, чтобы ранить естественным движением, и, делая угол своим мечом с мечом противника, любого значения, занимая его телом, - универсальное правило для всех видов оружия, предостерегая фехтовальщика не поднимать меч от меча противника, чтобы ранить до тех пор, пока левая рука не создаст защиту выше или ниже, как видно из этой демонстрации, фехтовальщик должен стараться как можно ближе подойти к правой стороне противника своей левой стороной, кончик меча фехтовальщик должен направить на лицо, шею или горло, и именно из этого положения фехтовальщик будет решать, ранить или нет.

КОНЕЦ

Эти напоминания были напечатаны для фехтовальщиков в фехтовании, в городе и дворе Мадрида, в типографии Габриэля Педраса, на улице де лас Уэртас, номер 58, 31 августа в год рождения нашего Сальвадора 1899 г.

Конец венчает работу

После печати этой работы мне были отправлены следующие бумаги, которые должны быть на листе XI под строкой 20. В этом кратком руководстве по защите в доктрине и дестрезе командора Иеронимо де Карранзы фехтовальщик найдет документы и важные предупреждения для понимания и упражнений с оружием.

Разрешено к печати в Лиссабоне Антонио Альваресом в 1632 г.

Я не видел ни одного образца.

П. Виндель

Берман Валерия

Важные предупреждения фехтовальщику в фехтовании

Издатель «ФЛП Середняк Т.К.», 49000, Днепр, 18, а / я
1212

Свидетельство о внесении субъекта издательской деятельности в Государственный реестр издателей, изготовителей и распространителей издательской продукции ДК № 4379 от 02.08.2012.

Идентификатор издателя в системе ISBN 7822

тел. (066)-55-312-55, (056)-798-04-00

E-mail: 7984722@gmail.com

www.isbn.com.ua

